

А. М. Кузнецов

Отражение падения редуцированных в договоре неизвестного смоленского князя

Так называемый *Договор неизвестного смоленского князя с Ригой и Готским берегом* (Латвийский государственный исторический архив, ф. 8, сапс. А, № 16), содержащий условия торговли между Смоленском, Ригой и Готским берегом, а потому как-то связанный с договором 1229 г. и названный П. В. Голубовским [1895: 128] списком *К* (далее — *Днк-К*), не имеет даты. Т. А. Сумникова, опираясь на кандидатские диссертации лингвиста А. Д. Ботякова и историка Н. Н. Усачева, датирует документ 1223—1225 годами [Смоленские грамоты 1963: 10], большинство же историков, начиная с А. А. Куника [Русско-Ливонские акты 1868: 449—450] и кончая В. А. Кучкиным [1966: 103—106], относят договор к 30—40-м годам XIII в. Получается, что этот документ или предшествует договору 1229 года и в некоторой степени является его основой, или появляется после этого договора и отменяет часть его условий.

Мы с историком А. С. Ивановым [Ivanovs, Kuznetsov 2006: 85—90] рассматриваем *Днк-К* как гарантийное письмо (привилегию) и датируем его 1215—1223 годами, т. е. считаем, что он предваряет договор 1229 г. В качестве основания для датировки историки обычно используют упоминание в *Днк-К* предшественников неизвестного князя — двух Мстиславов: а како боудѣть не|мьчскыи гьсть смоленскѣ . а поучѣть сѧ кто ѿ нихъ просити . в зноулю землю . то како то кѧло при моемъ оци при мьстиславѣ . при романоуци .| и при моемъ кратѣ при мьстиславѣ . онемѧ сѧ прашати . а мнѣ е по доумѣ| поущати . (66—67), при этом второго Мстислава отождествляют с Мстиславом Давидовичем, однако в его договоре 1229 г. говорится о свободе передвижения немецких и готландских купцов: ѿже латинескнѣ . оушочеть ѿѣхати .| нсмоленска . сконимъ токаромъ . кѧ иноу сторону . про то ѿго князю . не дѣржатн . ни нному ннкомуже сп. А 54—55. А потому остается думать, что второй Мстислав в *Днк-К* — это Мстислав Мстиславич Удалой, то-

ропечский удельный князь, который вел активную политическую борьбу: способствовал вокняжению в 1214 г. смоленского князя Мстислава Романовича в Киеве, сидел в Новгороде (оставаясь торопечским князем), в 1214 г. отказался от новгородского стола, в 1215 г. туда вернулся, а в конце жизни сидел в Галиче (с 1219 г.). Неизвестным князем мог быть как Владимир Рюрикович (в 1215–1219 гг., вероятно, занимал смоленский стол [Алексеев 1980: 233]), так и Мстислав Давидович. Отцом же называть Мстислава Романовича его двоюродным братьям Владимиру Рюриковичу и Мстиславу Давидовичу имело смысл до его гибели на Калке в 1223 г.

В качестве самых ранних и потому основных списков договора 1229 г. рассматриваются обычно списки *Е* и *А* (ф. 673, ящ. 18, № 2; ф. 8, сар. А, № 14), представляющие две его редакции — рижскую и готландскую. Большинство историков считали, что готландская редакция является первичной, и список *А* датировали 1229 годом, но В. А. Кучкин, проанализировав некоторые расхождения в терминологии, юридических нормах и характере статей, пришел к выводу о старшинстве рижской редакции. Появление готландской редакции он отнес к концу 70-х годов XIII в. и связал с потомками Мстислава Давидовича. При этом он считает, что и список *Е* не отражает первоначальный текст рижской редакции Мстислава Давидовича, изменения внесены в 40-е годы потомками Мстислава Романовича. Сам список он относит к 50–60-м годам XIII в. [Кучкин 1966: 110–112].

Изучение оригиналов списков *А* и *Е* в Латвийском государственном историческом архиве позволило установить тождество почерков списка *А* и приписки в списке *Е*, а этот факт заставил пересмотреть существующие варианты датировок документов [Кузнецов 2005; Кузнецов 2006; Ivanovs, Kuzņecovs 2006; Кузнецов 2006б]. Сегодня мы с А. С. Ивановым считаем, что оба списка *Е* и *А* надо датировать 1229 годом: рижская редакция действительно была первичной, в Риге она была дополнена припиской, выполненной тем же писцом, который затем оформит готландский список *А*; на Готланде — тогдашнем центре международной торговли — были неудовлетворены рижской редакцией (экземпляр *Е* остался в Риге без печати), и там была составлена и утверждена новая редакция договора. Один его экземпляр хранился с тех пор на Готланде, а список *А* — в Смоленске. Гипотеза В. А. Кучкина о том, что тексты договоров можно было при перезаключении отношений дополнять и изменять, оставляя прежний формуляр, не представляется убедительной: например, в 1259–1263 гг. новгородский князь Александр Невский шлет в Ригу подтверждение мира с копией договора 1189–1199 гг., при этом новые условия включены в текст 1259–1263 гг., а не «старой правды» [ГВНП, № 28–29 1949: 55–57]. Сомнительно и то, что каж-

дый князь, согласно В. А. Кучкину, после Мстислава Давидовича подтверждал договор 1229 г. Рига вместе с другими немецкими городами стала проводить самостоятельную от Готланда политику только во второй половине XIII в. Список *A*, составленный в 1229 г., поступил в Ригу поздно — во времена Федора Ростиславича в 1284 г.; до того Рига обладала только списком *E* и его копией *D*, полученной от Глеба Ростиславича в 70-х годах.

В связи с проблемой хронологического соотношения списков интересно изучить орфографию *Днк-К*, выяснить прежде всего, как отражается падение редуцированных, и определить, к какому периоду этого сложного процесса находится ближе наша грамота. Дело в том, что анализ новгородских берестяных грамот [Зализняк 2004: 58–59] дает возможность говорить о трех периодах в отражении падения редуцированных, из которых нас особо интересует второй «промежуточный» период, охватывающий 2-ю четверть XII века — 10-е годы XIII века, когда падение редуцированных отражается в орфографии в виде неполного сохранения знаков для слабых редуцированных. С 20-х годов XIII века начинается следующий период, когда слабые редуцированные уже не отражаются на письме, знак *ь* передает мягкость согласного, а сочетания *въ* и *во* обозначают билабиальное [w]. В настоящей статье материал *Днк-К* сравнивается с показаниями списков *E* и *A* (для них полная выборка примеров дается не всегда). Хотя особенности орфографии не могут датировать документ с точностью до десятилетия, тем не менее они могут оказаться дополнительным средством уточнения датировки списка *Днк-К* и его отношения к спискам *E* и *A*.

1. Знаки на месте слабых редуцированных

1.1. В плане отражения падения слабых редуцированных примеры для позиции конца слова, в том числе и предлога, считаются непоказательными, поскольку здесь действовало орфографическое правило писать *ъ* или *ь* в зависимости от твердости—мягкости конечного согласного. В нашем документе это правило почти неукоснительно соблюдается.

При этом этимологически правильно воспроизведена глагольная форма 1-ого лица ед. числа *ѣсмь* 76, устойчивость орфографии этой формы свойственна и новгородским берестяным грамотам [Зализняк 2004: 78]. Во флексиях ТП и МП ед. числа и ДП мн. числа существительных, прилагательных и местоимений знаки *ь* и *ъ* после буквы *м* ни разу не смешиваются, т. е. в ТП и МП ед. числа — всегда *-мь*, в ДП мн. числа — всегда *-мъ*. Такое же строгое разграничение в именных фор-

мах характерно и для списка *Е*. В то же время список *А* уже дает редкие примеры замены знаков, но только в ДП мн. ч.: по к'крьменьемъ 1, по к'крьменьемъ 1, ксѣмъ темъ 10, смоляннѣмъ 48 (надо заметить, что в грамоте буквы *о*, *ѡ* не заменяются буквами *е*, *ь* и наоборот, исключая некоторые описки [Кузнецов 2006а: 77]). А. И. Соболевский [2006: 122], присовокупив к этим примерам еще: камь ѿго хочеть · тамъ д'кжетъ 67, высказал предположение: «очевидно, для писца грамоты *мь* звучало одинаково с *мѡ*», т. е. твердо. Если это так, то не понятно, как в остальных случаях на большом пространстве текста писец сумел соблюсти устаревшую норму. Интересно, что все замены здесь имеют «обратное» по сравнению с новгородскими берестяными грамотами направление *-мѡ* → *-мь*, а не *-мь* → *-мѡ*, и, возможно, являются чисто орфографическим явлением (написания под влиянием форм ед. числа при пословном списывании). В наречии *камь* можно подозревать смягчение конечного [м] перед следующим начальным [j]¹. Таким образом, орфография смоленских грамот отличается от новгородских, в которых написания с *-мь* на рубеже XII—XIII веков «оказываются в явном меньшинстве» [Зализняк 2004: 78]. Не следует думать, что смоленские писцы просто соблюдали книжную орфографию, скорее всего процесс отвердения [м'] в конце слова здесь проходил медленнее.

Сохранялась и мягкость [т'] в формах 3-его лица наст. времени глаголов. Обращает на себя внимание пример с заменой конечного *ь* на *и* в позиции перед начальным [j] следующего слова: ажѣ коуд'кътъ к'дѣц'къ нан мастѣрскн · нан которому соудьн · гн'ккъ на которого немьунца · а късхочетн н казнн'тн 21—23. А. И. Соболевский [2006: 122] отнес его к «общерусским особенностям языка». Такая оценка могла быть естественной в эпоху, когда конечные редуцированные еще сохранялись, но в начале XIII в. подозревать здесь фонетический процесс (аккомодацию) невозможно. Там же А. И. Соболевский приводит пример новой формы инфинитива на *-ть* < *-ти* из нашего документа: а постакинтн н передъ соудью · ать къдасть н соудья · тако же н немьунцю смоляннск'к · постакинтъ н передъ княземъ ать къдасть н князь 45—47. В новгородских берестяных грамотах самые ранние и очень редкие примеры

¹ В сп. *А* отражается утрата конечных гласных: аж къи 7, 9, 10; аж къхъмъ 11. Если же допустить, что в наречии *камь* конечный гласный [о] не был утрачен, то придется признать межслоговую ассимиляцию по мягкости *камь ѿго* = *камѣ ѿго*, как и в примере из *Днк-К*: нзѣт'алъ 49 вместо нзѣсталъ 49 (ср. *ребенок* > *ребенок*, *мармелад* > *мармалад*). Однако ассимиляция на границе слов сомнительна. Другие примеры в сп. *А* следует интерпретировать как буквенную аттракцию: Пре сѣи мнѣхъ 6; то ѡндѣто по к'крьменьемъ 1 [Кузнецов 2006а: 77]. В то же время почти во всех примерах с конечным *-мь*, приведенных выше, исключая *смоляннѣмъ*, *-мь* подключается к предшествующему мягкому слогу.

ные, предшествующие суффиксу, написаны этимологически правильно³, и это заставляет думать, что *ь* может обозначать вокалический элемент.

В списке *E* ситуация иная, кроме этимологически правильных написаний имеется несколько случаев отражения утраты *ь*: сятъского ба; готъскѣин ба; роусьскѣимѣ 10а; кнтъбъскон 39б; рнжъскѣин 4а; коарьскоу 43а; рнмьскаго 43б; смоленскон 11а; смоленска 18б, смолень|ске 22—23а, 25а; послушьство 46а, — но: дьцьского 62а, децьскѣин 63а; полоцьскон 39б; немъцьскѣимѣ 11а⁴; колоцьскѣин 66а; смоленске 56а и др. Буква *ь* в формах типа дьцьского уже не обозначает гласный; являясь орфографической условностью, она получает функцию знака мягкости; а вот в форме смоленске мягкость *н*, если и сохранялась в группе [-н'с'к'е], то на письме не обозначена.

В списке *A* инноваций еще больше: готескомь 42; д'ятъскомю 47; полотъского 12об.; кнтъбеско|го 12—13об.; смольнескѣин 3; смольнеска 4, смольнѣска 6, оў смольнѣскѣ 15; латннескомю 7, латннескнн 37, — но: гоукѣин 5, готскѣимѣ 6; д'ятского 46; роускои 37, роускнн 38; рнзкѣин 3, рнзкнн 5об., рнзкнмѣ 14об., рнз'к|скннн 14—15об.; оу смольнеске 24; латнскѣин 76, латнскннн 22—23об.

Договор неизвестного князя дает без исключения только примеры с сохранением *ь* в суффиксе *-ьц-/-ьч-*: немьцн 1, 4, немьчѣмѣ 40, н'кмьчѣмѣ 49; немьчуню 5⁵, немьчуню 18, 31, 34, 55, н'кмьчуню 28, 76, немьчуню 42, 46, 59, 61, 71, 74, немьчунца 22, н'кмьчунца 29, немьчунца 35—36, немьчунць 23, 40, 52, 62, 63, немьчуньч 43, немьчуньчѣмѣ 27, 30, 57, немьчуньчѣмѣ 55—56; коунсѣмьчн 64; докнъчалах 77. Это все — случаи на корневой сонорный перед суффиксом. Пример с шумными в корне и суффиксе: дзлжбнцѣ 48.

³ В *Дик-К* цоканье отражается только в лексемах: немьчунць 23, немьчунца 22, н'кмьчунца 29, немьчуньчѣмѣ 27, 30, н'кмьчуню 28, 76, немьчуню 71, 74 — немьчуню 5, немьчуню 31, 34, немьчунца 35—36; немьцн 4, сѣ немьцн 1 — немьчуньч 28, немьчѣмѣ 40; соунчамн 37; коунсѣмьчн 64; рн романскнцн 66. В остальных случаях *ц* и *ч* употребляются этимологически правильно: розкнннцн 9, члѣкочу 10, по лнцю 12, мѣчѣмѣ 13, рннчѣча 14, на пороуцьк 16, влдцьк 21, вѣ проуѣ 24, задьчнцн 25—26, чнстѣин 50, кощець 50, на колоце 51, вѣсчочѣть 54, коньць 57, поуьч'к'ть 65, оуьчнннть 71—72, докнъчалах 77. Это свидетельствует или о достаточно хорошей выучке писца, или о том, что он переписывл текст с черновика без черт цоканья. Вопрос о наличии цоканья в смоленском диалекте не может быть решен только с опорой на сохранившиеся грамоты, поскольку не известно происхождение писцов, а иногда и место составления документа (ср. [Схакен 2003]).

⁴ В сл. *E* нет отражения цоканья (особенно показателен пример што 75а), следовательно [ц'] здесь из [ч'с'] после утраты [ь] в суффиксе.

⁵ Единственный случай записи с ъ на месте этимологического слабого ь.

Список *E* уже содержит много инноваций: *коупьѣмѣ* 10а, *нстьцю* 5б, — но: *немѣн* 8а, *немѣемѣ* 13а; *немуню* 19а; *коупьемѣ* 11а, *кѹпцнхѣ* 42—43б; *кѣсцю* 7б. Сюда можно добавить и примеры: *ѡбьунн* 86а — *ѡбунн* 88а.

То же отмечается и в списке *A*: *доконѣчано* 68—69, — но: *дѣкончано* 70; *коупьемѣ* 6, *коупцн* 15об., *коупчн* 16об.; *немуню* 25; *немунцю* 26—27; *кѣсцю* 75, 76; *земледѣржцн* 5об. Сюда же отнесем случаи с суффиксом компаратива: *моуцьшего* 4, — но *колше* 10об., где мягкость *л* не обозначена, однако следующий мягкий [ш'] ее «поддерживает».

Иначе записываются суффиксы *-ьн-* и *-ьн'*. Примеры имеются только с корневым [л'] (менее показательный пример: *задѣлнцю* 25—26, где *ь* в конце строки), который перед твердым *н* получает знак мягкости, а в группе [л'н'] остается без *ь*: *колъносѣ* 2, 3, 4, 69, *колъна* 5, *колъно* 72, *колъного* 6, 69, — но *смоделанннѣ* 24, 61, *смоделаннна* 31, 41, 48, 53, *смоделанннѣ* 60, *смоделанннѣ* 5—6, 23, 24, 27, 27, 30, 43, 54, 55, 57, 62, *смоделанннѣ* 59, *смоделаннѣ* 1, 2, *смоделаннѣ* 27, *смоделанномѣ* 51, *смоделаннѣ* 77; *смоделнскѣ* 78, 80. Эти наиболее прозрачные примеры с пропуском *ь* и позволяют объяснить орфографический принцип писца: *ь* используется как знак мягкости преимущественно перед твердым согласным.

Вероятно, так же следует объяснить колебания в написаниях: *нзѡтѣмѣть* 47—48; *нѣ лѣзѣк* 34, 35; *моуцьмн* 79, — но: *отѡтнѣть* 10, *ѡтѡтнѣть* 10; *нѣ лѣзѣк* 32. Сюда же можно отнести: *млнѣк* 67. Но в случаях, когда выпадение *ь* вызывало образование сложных групп согласных, вокальный элемент, вероятно, сохранялся: *млѣздѡу* 45; *млѣстнслакѣк* 66, 67; *поуцьнѣть* 65. Перед твердым согласным не получает знака мягкости непарный согласный: *пшмо* 51. Однако в такой позиции даже парный согласный зафиксирован без знака мягкости: *козѣма* 45, ср. перед мягким: *кѣзѣмѣть* 26.

В списке *E* в суффиксах *-ьн-* и *-ьн'* пропуск *ь* уже стал регулярным явлением: *колню* 56а, *колню* 15б, 16б, 35б, *колню* 32б (*колъного* 19—20а — только в конце строки); *смоделаннѣ* 6а; *кѣстѡуномѡу* 13—14а; *копцнн* 13б; *нзѡтѣмѣтннн* 2—3а; *кожннн* 30б; *задннцю* 44а; *кѣднѣ* 57а; *грннѡу* 20а. То же касается остальных случаев: *козѣмѣть* 44а, *козѣма* 63а; *ѡтнѡуѣть* 24а; *наунѣть* 1а; *оумрѣтѣ* 29—30; *лѣзѣк* 34а; *дѣтмн* 40а; *чѣтѡ* 1а, *штѡ* 75а; *поуцьѡу*⁶ 63а;

⁶ А. А. Зализняк [2004: 472], опираясь на чешскую лексему *pocta*, восстанавливает форму **počysta* 'почетный дар; род подати'. Ему следует СДРЯ [VII 2004: 409] со статьей ПОЧЬСТА. Гнездо *čis-ti / čst-ŏ* → *čit-a-ti* → *čst-ī-ti* (?), → *čvs-t-ь / čvs-ti* → *čvst-ī-ti* (> *čvm-u-mi*) [ЭССЯ, 4 1977: 119, 123, 174—176] оказывается довольно сложным и запутанным во внутренних отношениях, в истории славянских языков семантика каждого из звеньев словообразовательной цепочки менялась своеобразно, соответственно менялась мотивация. В современном чешском языке *pocta* 'почесть' включается в одно гнездо с глаголом *poctít* 'почтить' [Ч-РС 1967: 376] и сущ. *čest / cti* 'честь',

пракдоу 14а; напсалн14а; любка 45б. Традиционна орфография в слове мьстнслакх 5а. Относительно формы козма заметим, что она находится в том же контексте, что и в *Днк-К*: тх ть лн д'ѣтьсканн не испракнть козма мьздоу *Днк-К*, 44—45 — а децьсканн козма поутюу же не испракнть за неделю *E*, 63.

В списке *A* ситуация такая же: кхлно 63; смоланннх 7; оумьна 4—о'умннн 16об., оумннхх 20об.; скокод'кннн 14 — скокодн 53, 7об., скокодн 5об., скокоднх женѣ 41; немнро 6; грнкна 15; рокнатн 2об.; ѿднемь 31; много 20об.; кхзъмьт 51; люднн 70; ннлах 13об.; Зде 14; Что 1, 6; пракдоу 10; напсалтн 10, псана 13об.; хлапстко 27. Особо: мьстнслакх 3.

1.3. В *Днк-К* редуцированное [й] отражается в написаниях через *и* и гораздо чаще через *ь*: кхкнеть 9; тхргоканн 2, 3, 4 — но: оукьуть 6, 8, 68, 70 х 2; наснаь 72, 74; соудья 46, оу соудьѣ 44, соудьн 22, 39, соудьѣю 46, 56, соудьямх 58. Поскольку буква *ь* в таких случаях употреблялась уже в XI веке [Зализняк 2004: 34—35], то говорить определенно об утрате гласного здесь нельзя.

Сюда же, вероятно, следует отнести и загадочные формы ДП ед. ч. от *гость*: гьстѣн (= гостн) 14, 19, 21⁷. Подобная орфография флексии известна и в сп. *E*: гостѣн 286, 296, 336; там же еще: ДП роусѣн 76а, 156 (ср.: РП роусн 18а; ДП роусн 38а, 53а, 65а; МП роусн 51а, 66). Можно, конечно, предположить, что под влиянием скандированного произношения [Зализняк 2004: 35] во время внутреннего диктанта писец мог скандировать мягкий согласный даже в предвокальной позиции и «растягивать» гласный флексии, тогда перед ним возникал вопрос, как передать на письме [-ии]⁸. Но других примеров на растяжное письмо в этих до-

---

а корень *-čet-/čit-/čt-* выражает семантику чтения и счета: *číst / čtu* 'читать', *počet* 'число', *počítat* 'считать', *počtu* 'арифметика'. Исконно ли слово *pocta* имело переживший опрощение корень **-čьst-*, а не **-čьt-?* А. А. Зализняк не указывает мотивирующего слова для *pocta*, но представляется, что им могло быть не только **po-čьst-ī-ti* (ср. *poběditi* → *poběda*), но и более раннее **po-čis-ti / po-čьt-o* (ср. **čerstī / čьrt-o* → *čьrta*, **vьrztī* → *kavьrza*), в обоих случаях использовался нулевой суффикс. Дополнительная поддержка второй версии: в сп. *E* регулярно отражается ассимиляция [ч'с' > ц'] в словах нем'к-цьсканн 37а, 50—51а, 66а, 68а, 74а, немецкьсканн 43а, 72а, 77а, немецкьскомю 20б, 27б, 33б, кх немецкьскомь 5б, немецкьскана 35б, немецкьскою 82а, кх немецкьскон 14б, 30б, нем'кцьскнхх 11а; колосцьсканн 66а, колосцьскомю 73а; а, следовательно, ожидалось бы *почьстоу* > *поцьтоу*, чего на самом деле нет. Если же восстанавливать *почьста*, то отсутствие результата в виде *ц* надо объяснить тем, что сработала связь со старым *поцисти / поцьту*. Ср. примеры в [Срезневский, III 1958: 1527, 1571]: Чьти оца... *Остр. ев. Л.* 18.20 — Чьсти оца... *Галиц. ев. 1144 Мр.* 10.19.

⁷ У А. И. Соболевского [Соболевский 2006: 122] дается форма *гостьи*.

⁸ Другие объяснения — *гостьи* и *роусьи* от *гостия* (ср. *соудия*), *роусия* — здесь не убедительны и даже фантастичны.

кументах нет. Трудности в интерпретации такой орфографии связаны еще и с тем, что данный вид флексии отмечается только в формах ДП и ни разу в других падежах ед. ч., ср.: до *крякн Днк-К* 12; до *кря|кн Е* 26—27а; *кєсх чєткєртн* 28а; *ѡ пога|нн* 69—70а; *кєзх кєакєє корєнн* 78а, 80а; по *сєслєнєскєн колєстн* 39б; к *тєн пакєстн* 69а. Может быть, мы имеем редкий случай диалектного отражения индоевропейской флексии ДП **-eyei > *-ijī* для **ī*-основ, которая обычно в славянской области упрощалась за счет гаплогонии [Семереньи 1980: 187]⁹

В сп. *Е* традиционные написания через *и* преобладают: *розюкнє* 7а; *докросєрднє* 9а, 12а; *кнєть* 19а; *капнє* 7б; *ѡ сүтнн* 32б; *пєсєлєннє* 36б; *распєтнн* 40б; — но: *кєкєкєть* 23а; *наєнє* 56а, 59а, 64а; *кєжнх* 31б; *лєдєн* 34б.

А сп. *А* вообще не знает написаний через *ь*: *роуснє* 11, 64, 69; *сүкнєть* 12; *кнєть* 18; *кнєтьєє* 37, 38; *наєннє* 41, 43; *ѡрсуднє* 68; *суднємн* 69, 71; *дєрєжєннє* 74; *капнє* 74; *лєднє* 40б.; *єє · нєкнєть* 70б.; *пєчєтнє* 150б.

Таким образом, сп. *Е* и *А* в данном случае следуют книжным нормам.

2. Знаки на месте сильных редуцированных

2.1. В *Днк-К* хорошо сохраняются исконные написания с *ь* в сочетаниях с плавными: *тєрєкєннє* 2, 3, 4, *тєрєкєтн* 2б; *дєлєгє* 17—18, 20, *нє дєдєлєжєнє* 18, *дєлєжєнє* 20, 23, *дєлєжнє* 43, *дєлєжєнтє* 48; *крякн* 12. Примеров на сочетание *ь* с плавными в грамоте нет.

В сп. *Е* сочетания *ь* с последующим плавным передаются уже через *о*: *дєлєгє* 37а, *дєлєжєнє* 38а, 41а, 61а; *кєкєрєзє* 67а; *сүмєлєкнєть* 1б; а сочетание предшествующего плавного с *ь* дано в традиционной записи: *кря|кн* 26—27а. Традиционная орфография господствует и в сочетаниях *ь* с плавными: *сүткєрєжнєкєють* 1а; *сүткєрєжнєкєтн* 7а; *сүткєрєжєнє* 12а; *дєрєжнєтє* 2а; *дєрєжєлє* 16а; *мєрєтє* 4а; *докросєрднє* 9а, 12а; до *кєрєхє* 32б; — но: *чєткєртн* 28а; *кєзкєкєрєжєть* 39а; *кєкєрєхє* 34б; *пєрєдєстєтєн* 73а. Для последовательности «плавный + *ь*» имеется два варианта: *кєрєнєть* 7б и *кєрнєть* 10б, где появление *и* можно объяснить фонетически или морфологически (по инфинитиву *крити* [Зализняк 1986: 174—175]).

В сп. *А*, известном тем, что буквы *ь* и *о* в нем взаимозаменяемы, находим варианты: *дєлєгє* 24; *мєлєкнєть* 210б., — но: *мєлєкнєтн* 53—54; а также: *кєкєкє* 19. То же и для букв *ь*, *є*, *ь*: *сүткєрдєнн* 5, *тєкєрдє* 9, *сүткєрєжєнє*

⁹ Возможно, такими же диалектными, восходящими к индоевропейскому состоянию являются формы РП и В=РП ед. ч. **ī*-основ муж. р. в списке *Е*: *нєкєрєнєтн нєлє тєгє пөчтє* 83а; *ажє роуснєнє нєлє нємчєнє нєтє тєтє* сү сүкєгє тєкєкєрє 22б, в которых флексия *-ě < *-ois* [Семереньи 1980: 187].

15об.; оумьрлѧ 3; пьркѣнѣ 25, пьркѣнѣ 42; ѿ кьрху боб., су кьрхѧ 7об., — но: тькьрднѣтн 5, оутѣкьрдатѣ 2; дѣржатн 10—11, дѣржатнѣ 11, оудѣржатн 50, оудѣржнтѣ 50, дѣржатн 55, дѣржаннѣ 74; ѹтѣкьртн 20; пѣркѣнѣ 27; ѹелнѧ 8об.

2.2. В *Днк-К* на месте сильного *ѡ* обычно пишется *ѡ*: гѧтьскоѡмь 2—3, 3, 15, 18, 25, 31, 35, 37, 40—41, 43, 48, 51—52, 53, 61, 70, 72, 75, гѧтьскѧмь 57, гѧтьскѧмѧ 58; дѣркѣкѧмь 12; кѧзьметѣ 26; тѧтѧ 26, 45, 54. Инноваций отмечено немного — с заменой *ѡ* на *о*: сѧ смоланннѡмь 59; кѡзмѧ 45; тѡтѧ 23; отѡтнѣтѣ 10, ѡтѡтнѣтѣ 10. При этом есть и случаи обратной замены *о* на *ѡ*: на гѧтьскѧмь 57; гѧстѣн 14, 19, 21, гѧстѣ 17, 19, 65 (но гѡстѣ 79); тѧкарѧ 17, 20, 23—24, 24, 26, 54 (но тѡкарѧ 53); частица-союз тѧ 6, тѧ тѣ его кѡлѧ 32. Эти случаи обратной замены *о* → *ѡ* имеют, как видно, лексикализированный характер и являются особенностью данного писца.

В сп. *Е* исконный *ѡ* в сильной позиции на письме сохраняется в виде *ѡ* очень редко: сѧтьского ба; грѣкѧмь 17а; в остальных случаях на его месте находим *о*: гѡтьскѧн ба, на гѡтьскомь 10а, 15а, 23а, 26а и др.; тѡтѧ 8а; поуннѡкѧ 19а; кѡзмѧ 63а; кѡзьметѣ 44а, 83а; кѡтогомь 28а; токарѡмь 81а. К случаям обратной замены *о* на *ѡ* относится только один: тѧ тѣ ѡго кѡлѧ 49а, который, вероятно, скопирован из *Днк-К* (см. пример выше).

В сп. *А* на месте этимологического *ѡ* находим *ѡ* и чаще *о*: послѧмь 5; дѣркѣкѧмь 18—19; ѡстѧтѧкѧ 30; кѧзьметѣ 57; — но: гѡкѧннѣ 5, гѡтскѧмь 6, на гѡтскомь 15—16; кьрѣгомь 6; ѡзѧкомѣ 11; послѧхѡмь 31—32; токарѡмь 55; пнскоупѡмь 14об. Случаев обратной замены *о* на *ѡ* гораздо больше, так как случаи с *ѡ* в сильной позиции встречаются реже: дѧкрннѣ 7; дѧ кѣкѧ 8; кѣдомѧ 2; кѧлѧ немнро 6; кѧлѧ 9; рнжаннѧмѧ 9; кѧлѧмѧ 11; такѧ платнтн · како 13; голѧкѡу 14; хѡлѧпѧ 15; нѧга 16; ѡнѧ ѹто 16; на гѡкѧмь 22; кннѧкатѧ 26; сѧрѧмѧ 43 и др.

Что касается знаков на месте сильного *ѡ* в *Днк-К*, то здесь замены *ѡ* на *е* или *ѣ* отмечаются гораздо чаще, чем замены *ѡ* на *о*: смолѡнскѧ 78, 80, смолѡнскѣ 4—5, 40, 49, 63 — смолѣнскѣ 36, 55, 59, 65, 76, смолѣнскѣ 20, смолѣнскѧ 50, смолѣнскомѡу 59; дѧлѧжнѧ 43 — дѧлѧженѧ 20, 23, дѧ дѧлѧженѧ 18; немѣѡвскѧн 19, 64—65, немѣѡвскомѡу 39 — немѣѡвскомѡу 21, немѣѡвѣ 28; конѣѡцѣ 58, 60 — кощѣѡцѣ 50, 52; особо в окончании ТП ед. ч.: меѣѡемь 13, пожеѡемь 13, немѣѡнѣемь 27, 30, кнѧжеѡемь 47. Иногда отмечается замена *ѡ* на *и*: смолннскѣ 42, 46—47, 71. Примеров на замену *е* или *ѣ* на *ѡ* нет. На месте начального сочетания [јъ] в сильной позиции встречаем *е*: поѣмѧшн 44, коунѡемьѡн 64, ср. сохранение на письме и перед слогом с гласным полного образования: нѡмѡуть 36—37, 69; нмѧтн 32. Особый случай: написание ѣметѣ 45 А. И. Соболевский рассматривал как искажение формы ѣметѣ, но В. Б. Крысько справедливо видит здесь

описку вместо нмѣть (предвосхищение буквы) в составе сложного будущего нмѣть хѣтрѣтн [Соболевский 2006: 122, 582]).

В сп. *Е* на месте сильного *ѵ* почти везде встречаем *е* или *ѣ*: по кнѣтъкъскон 39б — смоленѣ|скѣин 74—75, 20б; смоленѣского 86а; смоленѣскаѣ 7б смоленѣскон 11а, 39б; смоленѣске 16а, 22—23а, 25а, 35а, 37а, 47а, 50а, 66а, 77а, 89а—16, 24б, 25б; смоленѣскѣ 28б; смоленѣска 18б х 2, 19б; грѣкѣнѣ 20а, 24а; долѣжѣнѣ 38а, 41а, 61а; немѣцѣскѣин 43а, 72а, 77а; немѣцѣцѣскѣин 50—51а, 66а, 68а, 74а; немѣцѣскомѣ 20б, 33б; немѣцѣскомѣ 27б; къ немѣцѣскомѣ 5б; немѣцѣскаѣ 35б; немѣцѣскоѣ 82а; къ немѣцѣскон 14б, 30б; кнѣзѣмѣ 21б; прѣтѣкѣнѣ 51б. Случаи обратной замены *ѣ* на *ѵ* очень редки: дѣцѣского 62а; дѣцѣского 3б. Начальное [ѣ] передается только через *и*: нмѣтн 48а, 4б; нмѣтъ 51а; нмѣть 54а, 68а, 22б; помѣть 64а; прѣнмѣть 34б; нанма 38б; правда, это все случаи, где в следующем слоге не было слабого редуцированного.

Сп. *А* на месте сильного *ѵ* чаще пишется *ѵ*, чем *е* или *ѣ*: смольнѣскѣин 3; смольнѣского 59; смольнѣска 4; смольнѣска 6; оѣ смольнѣскѣ 15; смольнѣскѣ 18; оѣ смольнѣскѣ 23; оѣ смольнѣске 24; оѣ смольнѣске 63; оѣ смольнѣске 69; нсмольнѣска 55; ко смольнѣскоѣ 3об.; грѣкѣнѣ 16, 17; грѣкѣнѣ 40, 42; льгѣе 1об.; кѣпѣчѣ 7об.; всехѣ коупѣчѣ 15об.; кнѣтъкъскоѣ 12—13об.; — но: людѣмѣ 1; грѣкѣнѣ 14; оѣ смольнѣске 21; мѣчѣмѣ 37; прѣшедѣ 49; кнѣзѣмѣ 64; скѣкодѣнѣ 72; в приписке к сп. *Е* (почерк приписки я отождествляю с почерком списка *А*): немѣцѣскѣин 56б — немѣцѣскѣин 53б. Однако столь же часто *ѵ* пишется и на месте исконных *е* и *ѣ*: кѣрѣмѣнемѣ 1; кѣрѣмѣнемѣ 1; послѣ 2; кѣрѣмѣнѣ 4; кѣрѣгѣ 5; промѣжѣ 6; нальзѣлѣ 10; мѣтѣтн 23; жельзѣ 24; пѣрѣпрѣтн 33; къ|сѣю 77—78 и др. На месте начального [ѣ] в сильной позиции здесь фиксируется *и*: къзѣдѣмѣ 29; наѣмѣ 47.

А. А. Зализняк [2004: 66] отмечает, что в 20—90-х гг. XIII в. среди новгородских берестяных грамот очень мало тех, где буквы *ѵ* и *ѵ* не смешиваются с *е* и *о*.

2.3. Примеров на [ѣ] внутри слова в *Днк-К* нет. В списках *Е* и *А* помимо традиционных написаний отмечаются и случаи с *ѣ* на месте *и*: сп. *Е* — жѣрѣкѣнн 70а, люднн 36б, 37б, но людѣнн 21об.; сп. *А* — дѣннн 47, но жѣрѣкѣнн 3об.

* * *

Итак, орфография *Днк-К* в плане отражения падения редуцированных оказывается более архаичной по сравнению со списками *Е* и *А* Торгового договора Смоленска с Ригой и Готским берегом 1229 г. и вполне вписывается в рамки 1215—1223 гг. При этом обнаруживается орфографическое влияние нашего документа на список *Е* рижской редакции: передача флексии ДП ед. ч. в *ѣ-склонении через *-ѣн*, написания *козѣмѣ*,

тѣ вместо чѣ. Составители списка *Е*, следовательно, держали перед собой документ с предыдущим договором. Возможно, Тумаш Михалевич и Рольф фон Кассель, трудившиеся над текстом списка *Е*, работали в Риге, где хранился *Днк-К*. Для писца этого списка не характерно цоканье. Интересно, что в копии *D* той же рижской редакции орфография списка *Е* сохраняется лишь частично: здесь также отмечается ДП ед. ч. гостѣн 616, 626, 676, но один только раз с искажением форма *роуьн*: тѣ же прѣкда коудн роуькъ къ рнзѣк 46б; исправлена частица: чѣ его колѣ 54а).

Литература

- Алексеев Л. В. Смоленская земля в IX—XIII вв. М., 1980.
 ГВНП — Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Под ред С. Н. Валка. М.; Л., 1949.
 Голубовский П. В. История Смоленской земли до начала XV ст. Киев, 1895.
 Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. 2-е издание, переработанное с учетом материала находок 1995—2003 г. М., 2004.
 Зализняк А. А. Новгородские берестяные грамоты с лингвистической точки зрения // В. Л. Янин, А. А. Зализняк. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977—1983 гг.). Комментарии и словоуказатель к берестяным грамотам (из раскопок 1951—1983 гг.). М., 1986. С. 89—219.
 Кузнецов А. М. К вопросу о датировке списков *А* и *Е* Торгового договора Смоленска с Ригой и Готским берегом 1229 г. // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2005, № 3 (21). С. 44—46.
 Кузнецов А. М. Соотношение списков *А* и *Е* Торгового договора Смоленска с Ригой и Готским берегом 1229 г. // Кирилло-Мефодиевские чтения. I. Даугавпилсский центр русской культуры (Дом Каллистратова) / Ред. И. В. Трофимов, А. М. Кузнецов, Г. Б. Марков. Даугавпилс, 2006. С. 16—32.
 Кузнецов А. М. Исправления в списке *А* смоленского договора 1229 г. // Acta Albaruthenica, Rossica, Polonica. VII міжнародная наукова конференція «Беларуска-руська-польська супастаўляльнае мовазнаўства, літаратуразнаўства, культуралогія». Зборнік навуковых артыкулаў. Віцебск, 2006а. С. 75—78.
 Кузнецов А. М. О датировке списков Торгового договора Смоленска с Ригой и Готским берегом 1229 г. // Daugavpils universitāte. Humanitāro zinātņu vēstnesis. 2006. N. 10. С. 58—75.
 Кучкин В. А. О древнейших смоленских грамотах // История СССР. 1966. № 3, май—июнь. С. 103—114.
 Русско-Ливонские акты / Сост. К. Напьерский. СПб., 1868.
 СДРЯ — Словарь древнерусского языка (XI — XIV вв.). Том VII (поклепань — пращоурь). М., 2004.
 Семереньи О. Введение в сравнительное языкознание / Под ред. Н. С. Чемоданова. М., 1980.
 Смоленские грамоты XIII—XIV веков. Подг. Т. А. Сумникова, В. В. Лопатин. Под ред. Р. И. Аванесова. М., 1963.
 Соболевский А. И. Смоленско-полоцкий говор в XIII—XV вв. // А. И. Соболевский. Труды по истории русского языка. Том 2. Статьи и рецензии. Москва, 2006. С. 121—132.

- Срезневский И. И.* Материалы для Словаря древнерусского языка. Тт. I—III. М., 1958 [репринт. изд.].
- Схакен Й.* Цоканье в смоленских грамотах // Берестяные грамоты: 50 лет открытия и изучения. М., 2003. С. 321—331.
- Успенский Б. А.* История русского литературного языка (XI—XVII вв.). Изд. 3-е, исправленное и дополненное. Москва, 2002.
- Ч-РС — Чешско-русский словарь / Сост. А. И. Павлович. С приложением краткого очерка грамматики чешского языка, составленного А. Г. Широковой. Изд. пятое, испр. и доп. М., 1967.
- ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд. Вып. 4 (*čaběniti — *děl'a) / Под ред. О. Н. Трубачева. М., 1977.
- Ivanovs A., Kuzņecovs A.* Senākie līgumi ar Smoļensku Latvijas Valsts vēstures arhīvā: datēšanas un atribūcijas jautājumi // Latvijas Arhīvi. 2006, 2. С. 51—118.